

«Из рапорта вашего от 15 апреля о происшествиях вверенной вам губернии, усмотрев между прочим, что Козельского уезда сельца Ерлыкова поврежденный в уме крестьянин Василий Пахомов за убийство дяди своего, крестьянина Петрова, предан, яко виновный, суду, считаю нужным заметить вам, что в сем случае надлежало бы только посредством земской полиции и Врачебной управы удостовериться, действительно ли сделал он сие в сумасшествии, и по удостоверению сему отдать его в дом безумных, суду же предавать не было никакого основания, ибо на таковых нет ни суда, ни закона. Предполагаю, что вы не оставите, сходственно замечанию таковому, как в сем случае, так и в подобных ему поступать».

Это постановление законодателя соответствует положению французского уголовного кодекса (Code penal art. 64): нет ни преступления, ни проступка, если обвиняемый был в состоянии помешательства (en état de démence) во время совершения.

По ныне действующим законам (Собр. зак. Росс. Имп. изд. 1876 г.), причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину, суть (ст. 92 улож. о нак.):

1. Совершенная невинность того действия, коего случайным и непредвиденным последствием было сделанное зло.
2. Малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве действия.
3. Безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство».

Чрезвычайно важное ограничение вменяемости устанавливает ст. 95 того же уложения. В ней говорится:

«Ст. 95. Преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшими, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший по состоянию своему в то время не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего действия».

Эта статья прежде всего представляет логическое противоречие тому определению терминов безумия и сумасшествия, которое дается нашим гражданским сводом и в основе которого лежит «не имеющие здравого рассудка». Будем ли мы понимать здравый рассудок в метафизическом или обыденном смысле, все равно оказывается, что не имеющие здравого рассудка могут понимать противозаконность и свойство своих поступков и, следовательно, подлежать наказанию. Вместе с тем эта статья устанавливает совершенно тот же неверный критерий вменяемости, какой существует в английских законах, где вопрос об ответственности ставится в зависимость от вопроса о том, сознавал ли обвиняемый значение и противозаконность своего деяния или нет. К счастью, наши суды не руководятся предписанным критерием вменяемости, а, ограничиваясь доказательствами безумия, сумасшествия или припадков болезни, приводящих в умоисступление или беспамятство, признают, что «на таковых нет ни суда, ни закона».

Поправка, вводимая 95-й ст. нашего Уложения о наказаниях и требующая для признания невменяемости, чтобы безумный или сумасшедший не понимали противозаконности и самого свойства своего действия, допускает способность ко вменению у громадного большинства душевнобольных. Согласно с этим законоположением должны подвергаться ответственности все больные, обладающие ясным сознанием, и не только страдающие дегенеративными формами, как, напр., резонирующим, сутяжным помешательством или импульсивными влечениями, но и страдающие такими классическими формами душевного расстройства, каковы меланхолия, мания, первичное помешательство. Меланхолик под влиянием бреда о своей виновности может совершить преступление только ради того, чтобы привлечь на себя внимание правосудия и подвергнуться законной каре за все свои мнимые преступления; многие употребляют при этом все старания, чтобы быть осужденными и казненными: здесь мы имеем не